Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирае ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕНЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 4. Львовъ, 23. Сѣчня 1856. РОКЪ IX.

ГЛАСЫ

РУСКОГО СВЯЩЕНИЧЕСТВА

ЕПАРХІИ ПЕРЕМЫСКОЙ

въ торжественный день

СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА

25. Сѣчня 1856.

Глань надъ Саномъ, зъ синой помроки
Холмъ Снесеньскій сіяе намъ высокій;
Умаенъ, ту въ темнолистны боры,
Тамъ въ жовтавы даромъ Божимъ зворы,
Тамъ воловъ ся череда спасаютъ
По травахъ, що вонный цвѣтъ ховаютъ
Мацерунъ, розличныхъ мятъ, дѣванны,
Наворотня, и чудесной манны —
Воня въ коло зъ нихъ просонна вѣе;
Та й потокъ, що середъ зелъ журчѣе,
Путиходця смыслы осѣняютъ,
Же ко сну рѣсницы ся скланяютъ. —
Но, якъ пустишь, восбудившись, око
Гень землевь россteленовь широко,
Сердце скаче въ тобѣ радощами
Надъ красотъ природы чудесами:

Югомъ скрозь стромки спинаются горы,
А надъ ихъ верхи, таинственны боры,
Мура изъ старыхъ бѣлѣются временъ,
Свѣдки дѣлъ давно погасшихъ племенъ.
За тобовь чудесна въ кругъ долина;
А, якъ мати очи втопитъ въ сына
Народженног! — годѣсь надивити —
Такъ и ту нѣтъ оку твому сыты:
Що тамъ селъ и мѣстъ, дворовъ тамъ ясныхъ,
Поля луговъ и садовъ прекрасныхъ,
Боровъ; що за долы, холмы милы!
А где холмъ, тамъ гай, верхомъ могилы —
Всю прелестность въ двое восвыжшае
Сянъ, щось ту за боровъ мракъ ховае,
Тамъ широко точитъ свои воды,
Тамъ, молча, несе поважны лоди.
Красота тамъ красота — и глухо —
Гень лишь дымъ изъ хатъ несесь — а ухо
Лишь гаморъ доходитъ, мовь зъ просоня
Отъ людей, що дѣлъ своихъ тамъ гонятъ.

Подъ горовъ, глубоко надъ рѣкою
Муры благородны, сѣротою
Времене покриты — тамъ святая
Есть земля, обыльно смѣшанная
Съ рускихъ богатировъ пепелами;
Тамъ слѣды, полишаны ногами —
Романа, Володаря, Мстислава,
Ихъ дружинъ — тамъ руская держава
Цвила — Перемишль тамъ маячитъ
Тѣнь старого; а якъ дивнось бачитъ,
Где середъ дѣвчатокъ молоденькихъ
Истой надѣи, цвѣточковъ дробненькихъ
Сивобородый старикъ любуесь
Въ згадкахъ древныхъ — такъ само красуесь.

Перемышль старый середъ природы,
Юный все, якъ передъ тысящь годы.

Но самажъ природа безсмысленна
Мае вѣчно цвисти, а умственна
Міра часть по разу заблестати
Лишь, потомъ щобъ въ вѣки загасати?
Вѣчнажъ славѣ нашой вже могила?
Вжежъ не мати намъ въ вѣкъ Данила?

Нѣтъ о друзя! въ мурахъ тыхъ сѣравыхъ
Обитае образецъ всѣхъ правыхъ
Дѣлъ, заступникъ предъ владѣтелями
Нашъ, поборникъ передъ ворогами,
Основатель утраченой славы
Нашои, нашъ любимецъ, столпъ державы —
На челѣ избранныхъ мужей, що цвѣты
Рускои крови, веде совѣты
Онъ о блазѣ нашомъ; Онъ питае
Наши сироты, Онъ россылае
Гень межь народъ просвѣщенья лучи,
Отвертае му грозящи тучи
Вороговъ — О днесь родимци милы
Отъ Щавницъ воды, ажь где могилы
Суть Подольски, - отъ Черной горы
Гень до Танвы, средъ предвѣчны боры
Радость завитала, спламенѣли
Сердца и молитвовъ росгорѣли
Къ Господу, щобъ благъ сей всѣхъ источникъ
Былъ въ подвигахъ добрыхъ Му помочникъ;
Укрѣпилъ Го въ трудахъ благородныхъ,
Покорилъ Му вороговъ всѣхъ злобныхъ,
Удѣлилъ Му въ межахъ сего свѣта
Къ блазѣ нашомъ многи, многи лѣта!

ГДЕ НЕЩО СЪ ЗАПИСОКЪ ВТОРОГО ПУТЕШЕСТВЇЯ ЗЪ РИМА ВЪ ЕРУСАЛИМЪ.

Продолженіе.

Новое возмущенїе жидовъ за царя римского Адрїана, потягнуло за собою всеобщое розаренїе ихъ отечества. По свидѣтельству Дїона 584000 жидовъ погибло мечемъ воиновъ римскихъ. Множество людей обого пола продали Римляне въ рабство по торгахъ въ Газѣ и Мемврѣ, тай розвернули и знищили 50 крѣпостей и 984 городковъ. Що пощадилъ Титусъ изъ древного Ерусалима, було теперь розвалено, и на румовищахъ его создалъ Адрїанъ новое мѣсто, котре наименовалъ Елїя Капитолина. Подъ казнею смерти заперечено було жидамъ вшествїє до сего мѣста. Та щобы больше ще пакость имъ сдѣлати, повелѣлъ царь надъ воротами Ведлеемскими выстукати на каменѣ свиню. Св. Григорїй однакожь каже, що було дозволено жидамъ одинъ разъ въ рокъ ходити въ Елїю, та плакати; а святый Їеронимъ прибавляетъ, що на вагу золота придавалося имъ право проливати слезы надъ пепеломъ осталымъ зъ ихъ отечества. Новый Адрїановъ городъ заналъ посаду, якъ маетъ до нынѣ, та изряднымъ смотренїемъ божимъ, загорнулъ въ себе лобную гору, мѣстце смерти и гроба спасителя, давнѣйше за мѣстомъ бувшую. Така доля була сего святого мѣста и несчастного народа, назначенного носити на себѣ по всей земли знамя гнѣва божого, и всюда подавати собою свидѣтельство вѣры христїянской.

Святый царь Константинъ и матерь его свята Елена, принявши вѣру христїянскую велѣли розвалити балваны ихъ предшественниками поставлены на мѣстцѣ страданїя и гроба Їисуса Христа, тай создали великолѣпную церковь до нынѣ тамъ стоящу. Дурно въ 37, лѣтъ познѣйше Юлїанъ Апостатъ покушался собрати жидовъ въ Ерусалимѣ и возобновити церковь Соломонову. Чудный преестественный огонь изъ выкопаныхъ до половины рововъ основанїя выходячїй, розгонилъ роботниковъ, и недопустилъ совершити, противного волѣ божой предприятїя.

За царя Юстиніана, за которого церковь Ерусалимска получила патріарше достоинство, была ще буна жидовъ въ Ерусалимѣ лѣта 501 отъ рождества Христового.

Лѣта 613. отъ Христа языческій царь перскій Косрой найшолъ на Юдеевъ, взялъ Ерусалимъ, злупилъ всѣ богацтва церкви гроба божого, тай ухопилъ и самъ пречестный крестъ. Жиды обитавши тогда въ Юдеи купили отъ сего князя 90000 плѣнныхъ Христіянъ, и всѣхъ побили мечемъ. Недолго во 617. року царь Ераклей, побѣдивши Козроя, отобралъ честный крестъ, и самъ на своихъ раменахъ через все мѣсто несъ его на гору лобную въ церковь. Розказуютъ, що коли сей царь въ своей богатой одежѣ съ вѣнцемъ царскимъ на головѣ млся честного креста, обрѣлъ его такъ тяжкимъ. що нїякъ не здужалъ унести его. Тогда обернувшись до святого патріярхи спросилъ его, якабъ сему могла бути причина? „О царю," рече ему святый патріярхъ „Їисусъ Христосъ, Господь неба и землѣ несъ на семъ мѣстцѣ и сейже честный крестъ въ поругано, въ презрѣню, извлеченъ изъ своей одежи, а ты хочешь войти съ крестомъ въ всемъ блеску и сїянію твоей славы, про тое не здужаешь двигнути его." На тїи слова богобойный царь звлекся изъ своей одежи, та босо накинувши только вретище, съ мотузомъ на шїи, взялъ честный крестъ на рамена, и стался онъ ему легшій, и такъ принесъ онъ его въ церковь.

Въ 9. лѣтъ познѣйше Калифъ Омаръ III. преемникъ Магомета овладѣлъ Палестиною, Египтомъ, и послѣ четыромѣсячной обсады взялъ Ерусалимъ. По замордованію Омара 643. лѣта по Христѣ, основаніе многихъ Калифатовъ въ Аравїи и Сирїи, паденіе владычествующого рода Омаядовъ и воздвиженіе Аббассидовъ, наполнило Юдеевъ возмущеніями и недолею черезъ два столѣтія.

Года 868. Ахмедъ Тулюнидскій, зъ намѣстника ставшись владыкою Египта завоевалъ Ерусалимъ, но сынъ его будучи побѣжденъ Багдадскими Калифами, то и святый городъ перейшолъ подъ власть сихъ послѣднихъ. Магомедъ Икшидъ иный турокъ успѣвшій овладѣти Египтомъ, найшолъ на Ерусалимъ и занялъ го 936 року. Родъ фатимидовъ найшовши изъ пѣсковъ Киренскихъ, выгналъ Икшидитовъ изъ Египта 968 року, и овладѣлъ многими городами въ Юдеи. Еще одинъ Турокъ Ортокъ, пособіемъ Селевкидовъ Алепскихъ овладѣлъ Ерусалимомъ 984. лѣта, и его дѣти тамъ царствовали, доколь Мостали, калифъ Египетскій не принудилъ ихъ бѣжати зъ него — 996. Гакемъ пріемникъ Азиза II. калифа рода фатимидовъ. поднесъ велике гоненіе на Христіянъ. Въ 1076. лѣтѣ Малекшахъ, турокъ рода Селевкидовъ, занялъ Ерусалимъ, и опустошилъ всю державу. Ортокиды овладѣли сновь Ерусалимомъ, но не долго, фатимиды ихъ прогнали, и удержалися до временъ появленїяся крестоносцовъ. (П. с.)

ВНУТРІЕ ХАТЫ, ПРИНЯТІЕ ВЪ НЕСЧАСТІЮ И ДАРУНКИ.

Надоѣла ми ся туча, та зима; такъ вжемь бувъ занемогъ, що гинь дальше поступити; добре щомь якось завлекъ ся до села. Войшолъемь до найкрайнѣйшой хаты, середъ ней розложена ватра а доокола на землѣ позасѣдала Морлац-

ка родина; лише старый отецъ малъ столчикъ такїй, ꙗкъ оу насъ шевцы, але нисшїй; его снѣжный волосъ ꙗснѣлъ поважно по надъ молодовь родиновь. Дымъ сѣрымъ столпомъ пхалъ сѧ скрозь скалꙋбинꙋ, котра правосенько надъ ватровь въ стрѣсѣ прозирала; оу нихъ бо, ꙗкъ оу нашихъ сельскихъ хижахъ, нема кагловъ. Скоро мѧ дозрѣлъ добрый старокина, поднесъ сѧ, и запросилъ оусѣсти на его мѣстцѣ. Моѧ одежь перемокла до нитки, та лице зблѣднѣле, самы за мновь говорили. Ни пытаючи, ни на мою просьбꙋ зважаючи, велѣлъ старый батько за мое здоровлье двати.

Въ сей часъ прискочила къ менѣ всѧ родина, жены взѧли мѧ роздегати, дали ми сорочкꙋ старшой дочки до перебранѧ: бо лише таѧ бꙋла бѣла: Морлахи не дꙋже двають за бѣлꙋ одежь; а человѣки розкладали большꙋю ватрꙋ, и такъ мѧ обсꙋшали та огрѣвали. Двѣ добы бꙋлъ емь съ сими добрыми людьми, и родныи дѣти не бꙋли бы лѣпше коло мене ходили. Третого днѧ вжемь подꙋжалъ, та бꙋлъ здобный выбиратисѧ въ дальшꙋю дорогꙋ. Передъ моимъ отходомъ, хотѣлъемь хотай волею мое благодарне чꙋвство имъ объѧвити, щобы симъ оузнаньемъ ихъ красного дѣла, имъ радость оучинити. Ꙋ нададрїатскихъ Словенъ, не можь тое инакше, ꙗкъ лише дарами; грошьми зранилбысь найтажше сердце гостинного Словена; тꙋю божꙋю добродѣтель его, сдѣлалбысъ проданновь; всѣ найчꙋднѣйшїи образцы ей въ его бꙋйной фантазїи калѧлбысь найпоганшимъ поганемъ. Въ казцѣ народной мовитсѧ: „За смерть — грошй.*" Дары лише могꙋтъ въ дѧкомъ вѣкꙋ, та при ꙗкимсь занѧтю прїемность сдѣлати, ꙗко вещи, ꙗкихъ невинне, та до природы сближене сердце пожелае, можешь имъ подати а прїймꙋтъ радо. Женамъ оучинилъ емь всегда найбольшꙋ радость женочими пристройками, строй то слабость женочого сердца оу всѣхъ Словенъ; молодцамъ а мꙋжамъ не можь бꙋло сновь ничь красшого дати, ꙗкъ кꙋли та порохъ; того бо багне ихъ лицарска молодецка дꙋша.

Велѣлъемь внести скриню съ дарами, всѣ вдивилисѧ въ ню; женочи очинѧта заблисли желанїемъ, гдеѧкого хорошого дарꙋ, то сновь бꙋли бы сѧ подъ землю гдесь скрыли, кобъ ꙗ тое не оувидѣлъ, а гадка на такꙋ зарадꙋ своего сердца зарꙋмѧнѣла ихъ свѣженкїи лица. Стала тишина, ꙗкъ передъ сꙋдомъ; все дыше природовь. Слимь хотѣлъ познати, комꙋ сѧ котрый подарокъ сподобалъ, позрѣлъ емь лишь по лицахъ, а нехибноповѣли ми. По обдарованю отъѣхалъемь съ сердцемъ переполненымъ чꙋвствомъ вдѧчности, а добра родина за мновь выйшла ажь по конецъ села, тꙋ мы розлꙋчилисѧ. Изъ ихъ очинѧтъ прозиралъ жаль за мною, ихъ сердца немогли досыть выповѣсти добрыхъ желанїй длѧ мене; ꙗкъ сѧ то такъ дѣѧло, зъ принагла заломала стара матерь рꙋки, тай промовила: „Мой Боже! ꙗкъ мы несчастливыи, сей гость обдарилъ насъ всѣхъ, а мы

*Ихъ гостинность така непорочна, що саме недовѣренїе къ ней, длѧ Морлѧха образовь. Одного разꙋ запыталъемь господарѧ, чи прїйме мѧ подъ свою стрѣхꙋ? Зморщилъ брови, захмарилсѧ, тай лишилъ мѧ передъ хатовь. Зъ разꙋ не могъ ꙗ догадати сѧ, чомꙋ сѧ розгнѣвалъ, але одинъ, що при мнѣ стоѧлъ, велѣлъ лишь пойти до хаты безъ всѧкой просьбы, а газда завꙋде оуразꙋ. Такъ сѧ стало; ꙗкъ войшолъемь, прїймили мѧ, ꙗкъ родного брата.

не маемь ему где що, не то въ заменъ, але хоть лишь на незабудь дати." Ти слова переймили мя скрозь: была то беседа сердца.

О НАДМОГИЛНИКАХЪ ДАЛМАТСКИХЪ.

Были есьмы межь живыми, придивлялися ихъ невинной жизни сердце волновало изъ радости. Глянемъ же также по межи померших, станьмы надъ ихъ могилами, а чей они прилягнутъ намъ также до сердца. Могила, сесь горбокъ усыпаный рукою дедовъ, урошеный горячою ихъ слезою, се найдорожша спадщина по нихъ; ту, на коротахъ изъ света земного до вечного, выляли они всю свою славу, всю жизнь, всего духа словенского, поверили его сей верной земле, що крепко перебуде все тучи, все ворожи загоны, котрь ни огонь, що лишь згарища по спепелелыхъ городахъ, та селахъ лишилъ, ни времи, що все загирае, нездужаютъ повѣренное сокровище выдерти. Дармо глядае кто духа дедовъ въ запорошенныхъ паперахъ найти хоче; тамъ лишь крихта и леды, леды зложишь изъ нихъ одну искру, що въ твоемъ сердце на ново затлевши, сновь бы мусела гаснути — Тамъ! надъ могилы и до могилъ! тамъ вся душа батьковъ, вся ихъ слава, зъ отъ тамъ здойми ю, и роздай въ сконихъ грудехъ, а веки минулы, слова минулы намъ повернутся. Подорожный, отъ которого маемъ сіи записки, зналъ колька искрей лишь, тіи гадаю передъ вами Родимцы розвути.

Онъ розповедае о резьбахъ много цекавого; найкрасши маютъ на тыхъ надмогилникахъ бути, що на подобіе маленькой хижины суть вытесаны.

На красной зеленой долине, стисненой двома ланцами горъ, белеся далеко таковсь сумне каменіе, а великій до десять миль простягаючій ся лесъ дубовый обнимае се въ поважный образецъ — то долина Ловрицкая. Векы насъ отделаютъ отъ времени коли сіи паматники ставлено, тогды спиналисъ по сихъ горахъ красныи села та городки; теперь до окола застелилисъ вековыи лесы — долина осамотела.

По обзирaймы сіи камена! — то надмогилники, стены сихъ хатинъ, роздорожа окрашены всѣлякими резьбами; — ту ловцы уганяютъ. Съ всемъ нагій ловецъ сидитъ на вороном, мовь пригосъ — уздъ нема въ его руце: видно вправный ездецъ, вправный и конь — якъ ветромъ женутъ за оленемъ, копье право въ него выцелено; — ту сновь дерутъ самы покурчи 1) за олеемъ, тамъ хортъ хапае го уже за заднy ногу; а все такъ живе, такъ хороше, що мимохоть на уме, стаютъ ловы северныхъ лицаровъ, опеваны Оссіаномъ, бы слибысмы ихъ отмалювати хотели, то идемъ лишь ту, на Ловрицку долину; ту лишь есть узоръ до такого образа. Незредка стречаемъ подъ ловами женочи танки. Жены въ делгой одежи, приталой до тела стисненой горе етіопскимъ помсомъ, побрали ся за руки а танокъ ихъ майже, якъ нынешній Морлацкій, то коло. 2)

Ходемъ дальше — ту уже борбы.. Якъ Парды женутъ за собою лицари на конехъ, тай метаютъ копіями, гденеколи держатъ натягненый кабукъ съ стре-

---

1) Покурчи суть мешанцы изъ хортовъ та брытановъ (Bullenbeißer)

2) Коло найдавнейшій словенскій танецъ; при различныхъ святахъ танцовали го на честь солнца, онъ заховалея также и межь Русинами особенно у Гуцуловъ.

лою. А тамъ що? — то оуже не борба, рыцарь оуже такїй спокойный — сидитъ на ворономъ, а оу ногъ емȣ, вѣрны покȣрчи — оуже мае бȣти по ловахъ.

Ходѣмъ ще глȣбше — тȣ оуже лицаровъ невидно — тȣ самы жены, на всѣхъ бокахъ хатины танцюютъ коло.

Тамъ сновь вижȣ щось нового: то Гїероглифы! Такїи птицы, ꙗкъ египтскїи. И бѣсы, собаки, незвычайна скотина, несвѣдомы дивогляды, кȣжи, шнȣрята всѣлѧко покрȣченыи, то сновь перетинаючись всѣлѧко, то сновь ꙗкесь зȣбчасте, може громъ Кривы; 3) рѣки, але найбольше мѣсѧцовъ, солнцъ, звѣздъ и. пр. Сливы кто гадалъ, що то звычайны окрасы, то сѧ милитъ, бо окрасы въ ꙗкимсь ладѣ стоѧтъ: тȣ нема ладȣ.

Придивѣмъ же сѧ ще томȣ — гербы та иныи лицарски знамена — ꙗки они подобны до иныхъ словенскихъ, таже то первенственыи 4) гербы найдавнѣйшихъ родинъ Польскихъ, Шлезскихъ, та Моравскихъ отъ тȣ: полъ мѣсѧцѧ та звѣзда надъ нимъ, а тамъ подъ нимъ, тȣ три копїѧ, одна право, а двѣ на окрестъ, тамъ стрѣлы перегорожены паличками, а тȣ рȣки держатъ шабли и. пр.

Отъ такъ все въ подробинѣ оуказалъ намъ нашь подорожный, лише жаждою сердца переполнилось огледати сїи сокровища, собрати ихъ лѣпше, та докладнѣйше, а дȣха словенского изъ нихъ выкресати. И. К......

---

3) Кривы того походженїѧ ꙗкъ Крива — кривѣйта, знакомый литевскїй священникъ.

4) Такїй видъ бы всѣ словенски гербы мати повинны, а легше бы бȣло зъ нихъ сей оужитокъ сдѣлати, на ꙗкїй оуже Ходаковскїй оуказовалъ. Все, що кромѣ того на нихъ есть, то христїѧньска, або познѣйша примѣтка.

КАРТѦРЬ

ОБРАЗЕЦЪ ИЗЪ ЖИТѦ ГОРОДСКОГО.

III.

(Продолженіе)

Ꙗкъ бы черезъ долшїй часъ съ собою невидалисѧ, радостно прїймили его всѣ три панкове. Порозсȣвалисѧ, и зробили емȣ мѣстце. Не постигъ на лавцѣ оусѣсти, а вжежь цѣкаво попытовалисѧ: чи не принесъ где що нового, та потѣшного? Но Стȣлскомȣ, не першина бесѣдити съ такими панками, такого крою. Молчки, ꙗкъ бы великїи таинства переховȣвалъ въ собѣ, оусѣлъ онъ на лавцѣ, оперши головȣ о одинъ локоть, а дрȣгою рȣкою почесȣючи нагороженȣ чȣпрынȣ. Надойшла оуслȣжница, поклала полȣденокъ передъ него, но онъ, же въ передъ не охибилъ богдай осмѣхнȣтисѧ, та где ꙗкїй жартъ приповѣсти, по сей часъ и не споглѧнȣлъ на молодȣ госпожȣ.

Дивно и не спокойно оучинилосѧ тромъ надобнымъ картолюбцамъ. Бȣли то люде зъ лицѧ и зъ чертовъ хотай не однаки, то однымъ стремленьемъ дȣховно съ собою сближенны: игрою въ карты, и всѣми нȣжденными промыслами, ꙗкїи лишь непостоянне щастье той опасной забавки закладѣти могȣтъ. Найстаршїй зъ помежи нихъ, то человѣкъ чорный мовь циганъ, вздолжковатого, зопалого лица, чела въ задъ насȣненого, а перкатого короткого носа; съ бородою, съ оусами, и фаворитами. Коротко постриженe волосьe на головѣ, чорнѣлосѧ мовь крȣчїи пера, а чорныи очи роззиралисѧ мовь котѧчїи въ потемкȣ. На собѣ малъ сȣрдȣтъ табачковои барвы, цвѣтковаты сподны, шолковȣ чорнȣ камизелькȣ, а на шїи крава-

таю и накрохмалены воротники. Не малъ онъ больше якъ двадцать семь, либо двадцать осмь лѣтъ.

Середущій зъ помежи нихъ, то видко же булъ колись хлопакъ хорошій, но по красѣ его заледвы слѣды прибачити далися. Споглянувши на него, задивовалъ бысь ся, же человѣкъ тотъ въ такъ молодомъ вѣку носилъ вже перуку. Безправилне житье осушило его мовь доску: охотны страсти въорали ся гидкими скибами въ черты лица его, и назначили отразою. Юношескій огонь погасъ въ его сивавомъ оку, а уста мовѣ смертію побѣленны, заледвы отѣняли невеликіи уса. По отвертомъ челѣ, по затертой означѣ его тѣлесного составу можь было познати, же человѣкъ тотъ самохоть закопалъ свои таланта, и попался на бездорожіе. Долге, яснорусяве волосье сплавало ему майже на рамена — на темно табачковый сурдутъ. Лишь во одной суконной камизельцѣ заходило розличіе що до строю межи нимъ, а попереднѣйшимъ.

Наймолодшій изъ товарищей, найменьше подавалъ еще на лихопадного человѣка. Несмѣливо сидѣлъ онъ, якъ видко на практицѣ по межи ними. На нимъ процвитали ще жизькость юношеска, алеже по полохости, розторгненомъ, безцѣльномъ глипѣ чорныхъ пуклатыхъ очей, истинно подумалъ бысь, же молодикъ тотъ розставшись съ праведнымъ свѣтомъ, поклонилъ ся всѣмъ наукамъ школьнымъ. Немаючи чого ухопитись, прилучилъ и пожертвовалъ себе усовершеню преферанса, мака а, фербля, и прочихъ картовыхъ играшокъ, На кругломъ его лицѣ пробирали ся часомъ якъ двѣ отстигаючіи ягоды, ромянцы. По подъ короткій а широкій носъ поросъ хорошій усъ, а не со всемъ чорне волосье троха притяте и старанно зафризоване. Свиты малъ однакого крою и однакои барвы съ попередными, а чому однакихъ свит употребляли? однакій духъ оказалъ ся на нихъ и въ однакомъ строю. Тожь и образъ грачей. Придививши ся имъ въ очи, мимохоть сповѣлъ бысь: ей чорте! чорте! сто паръ ходаковъ сходилъ есь, закимъ посбиралъ есь ихъ въ купку!

— Ого! чому то нашь преферансовый король засумовался днесь мовь жолудный хлопецъ? бачте! онъ такъ якъ бы тьи чоботы съ перебакереными обцасами клалъ на послѣдну ставку. А до балата! чи ты днесь свою долю поклалъ на карту Антоній? промовилъ чорный.

Стулескій молчалъ якъ бы на пакость, перекравуючи мясо. Осмѣхаючись споглянули всѣ три одинъ по другимъ, и удаваючи, якъ бы недуже обойшло ихъ его молчанье, стали посвистовати, та розгоноватись межи собою. Бесѣдили якъ швецъ о копитахъ, такъ они о картахъ; каждый зъ нихъ попадалъ на якусь нову гадку, що то причиняла ся до лучшой совершенности ихъ наручного труду. Одинъ справлялъ ошибки другого; одинъ надъ другого прибагалъ новыи неспостережимы знаки, якими картари при каждой игрѣ срозумляти ся навыкли.

На конецъ окончивши полуденокъ патріаршимъ голосомъ озвался съ нимъ Стулескій:

— Цитьте!

Зачувши повелѣваюче тое слово, всѣ помолкли, и стиснувшись въ купку, якъ бы въ одушевленну Сивиллю влѣпили бачливо очи въ Стулеского.

— Цитьте! озвался по вторый разъ, двигнувши по ораторски руками. „А зна-

ете ви, що м сконопадилъ на нынѣшній вечеръ? и не присколокъ ся вамъ тое! 500 золотыхъ риньскихъ припаде намъ загорнути всемогущою силою макаа.

— Ахъ то и не полиха квота! май же въ одинъ голосъ скрикнули всѣ три радостно, якъ бы електричновь силою докинены.

— Такой же не полиха; — а ще на одинъ вечерь! погибли бысте якъ руды мыши, кобъ не голова моя, величаючись правилъ дальше зъ тиха, щобы не дочулся кто зъ первой свѣтлицы.

— Ты покровитель нашь! безъ тебе и паризки шуляры незналибы якъ обограти молодого, заграничного графа; отозвался на тое чорный.

— Ей кобъ то м досталея тамъ на науку! тожь то бы м гралъ! не постигъ бы менѣ и одинъ паничикъ переслизнутися съ своевь кишеневь.

— Ха! ха! ха! не много тобѣ и теперъ хибуе; вымѣтаешь не полихо омащены паперцы зъ пулярисовъ неукосъ, отповѣлъ реготаючися чорный.

— Благодарю за похвалу! въ каждомъ дѣлѣ до совершенства должны мы стремитись; тожъ и въ нынѣшній вечеръ кождый зъ насъ покаже, що и якъ оумѣе, розумѣете?

— И ктоже послужитъ намъ за предметъ нашой штуки? — а чи не Меценасъ твой Антоній, що то розпоренновь кишеневь своевь поднесъ на высшій степень картярство?

Сѣульскій омолкъ на пару хвиль, и задумавшись почалъ терти о чело долоневь. (П. с.)

ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѢСТІЯ.

* Славный хорватскій вельможа, гр. Іанко Дашковицъ изъ Тракоштіанъ, ц. к. совѣтникъ, и лицарь ордина св. Стефана, померъ дня 14. Сѣчня въ Радкербурзѣ, где до купели булъ удался. Онъ, Оркшицъ и Кулмеръ, були то три славны заможныи покровители хорватской литературы. Матица, хорватске музеумъ, и народне книгохранилище въ Загребѣ, завдячуютъ Дашковицу свой бытъ. Дожилъ 86 року житя своего. Въ послѣднихъ лѣтахъ житя своего, выступилъ яко списователь. Его старѣйша исторія народу илирского, и новѣйше обновленье въ ихъ словесности, есть то дѣло достопамятне.

* Крашевскій уробилъ селскіи образки подъ заглавіемъ: „Iermoła“ и призначилъ ихъ для варшавской библіотеки. —

* Въ 1855 годѣ померъ такожь и Андрей Морачевскій достосвѣдомый полскій историкъ, и сочинитель въ 3 частехъ: "dziejów rzeczypospolity Polski

* Выйшло оголошенье предплаты на сочиненье: **Listy z Krakowa we trzech tomach in 8vo, napisał Józef Kremer, professor Jagiellońskiego Universytetu.**

ВСЯЧИНА.

Дня 25 Сѣчня отбуло ся столѣтне торжество рожденія славного вѣтруози Волфанґъ Амадей Моцарта.

* Въ одномъ Мѣстци Баваріи въ пиварнѣ подъ золотымъ Львомъ, сидитъ що вечера старый енералъ, и куритъ люльку. Насопротивъ него здолжнымъ почитомъ займае мѣстце поручникъ Кралье. Скоро лишь люльку почне стрясати мовитъ вдыхаючи енералъ: „Такъ то на свѣтѣ любый Крале!" Поручникъ вздыхае на тое, и отвѣчае: „Такъ такъ пане енерале!" Сей двоговоръ продолжаеся кождый день, скоро лишь сойдутся О десятой годинѣ примовляе енералъ: „Доброночь тобѣ любый Крале!" Доброночь господине енерале." Зъ того розговору можь спознати, якъ мало потреба, абы до щастя прійти въ Баваріи.

* У господина Вѣнкклера въ Львовѣ видѣти можь на показъ египтску чудесно выдатну пшеницу и великанске (?) яре жито. Необыкновена выдатность того збожа, завиденного отъ колькохъ лѣтъ въ Нѣмецчинѣ, скусила братей Борнъ въ Ерфуртѣ, до большого сѣяня; оно же найпомыслнѣйшіи слѣдства оказало. Протое суть въ можебности, тое такъ неоцѣненое насѣнье розпространити.

Тупомъ Института Ставропігіяньского. Редакторъ Николай Савчиньскій.